

Красота и материя в их взаимоотношении с Богом¹

Между красотой, материей и Богом существует связь, и, думаю, можно начать нашу беседу цитатой из Китса:

«Beauty is truth, truth beauty», — that is all
Ye know on earth, and all ye need to know².

Мне кажется, это очень важная цитата, если мы думаем об истине не как о системе умственных утверждений, но как о чем-то более глубоком и существенном. *Я есмь истина*, — говорит Господь Иисус Христос (Ин 14:6). Слово «алетейя», пользуясь сомнительной этимологией, также обращает мысль к тому, чего не могут смыть даже воды реки забвения, Леты, к чему-то абсолютно незыблемому, чего не может уничтожить ничто тварное. Так что, когда мы думаем о Красоте, это сразу обращает наши мысли к Богу, Который есть Истина.

Можно вспомнить и другую цитату, на этот раз из Достоевского о том, что красота это совершенная приобщенность к совершенной Красоте, которая есть Бог. И в другом месте он пишет, что почуять красоту — значит войти в мистическое соединение с объектом, в котором мы ее увидели. Это очень важное утверждение, потому что оно сразу связывает то, что доступно нам прямо и непосредственно, с чем-то, что может стать более чем доступным — может стать самой нашей *жизнью*, нашей сутью.

Прямо и непосредственно нам доступно то, что мы видим, то, что мы воспринимаем чувствами, и в этом смысле материя доносит до нас красоту или уродство. Но любое уродство, проявляющееся в действиях, поведении человека, или все то уродливое, что вошло в мир человеческим грехом, обращает наши мысли к красоте, потому что вызывает в нас немедленную ответную реакцию: «Нет! Только не это! Только не жестокость, не ненависть, не искажение образа Божия, только не осквернение образа Божия в человеке или в сотворенном Им мире!»

Красота может выражаться очень разнообразно. Я помню одно место у Виктора Гюго — пустая страница с датой и пояснением: «Я не могу писать сегодня — умер мой внук». Это молчание выражает больше, чем стихи, полные эмоций, и это молчание полно красоты.

Есть также место у одного английского поэта, не помню точно, у кого именно, где он говорит своей возлюбленной: «Иногда, когда мы сидим вместе, молча, ты говоришь, что тишина прекрасна, как поэзия. Как бы я хотел, чтобы однажды ты сказала, что мои стихи прекрасны, как молчание». Я привожу эти цитаты не случайно, так как всегда наступает момент, когда наше прямое видение, непосредственное восприятие красоты должно найти выражение в образах, в словах, так чтобы стать доступным для других.

И порой человек, который ощутил красоту, умеет выразить ее настолько точно, что кто-то другой может довольно легко распознать или воспринять этот опыт. Бывают моменты, когда мы не можем ощутить непосредственно через объект ту красоту или тот ужас, которые в нем заключены. Я говорю «ужас», поскольку уже сказал раньше о месте и роли уродства в нашем восприятии красоты как о реакции на что-то, что содержит самоотрицание и саморазрушение.

Помню, ко мне как-то прислали молодого человека, страдавшего душевным расстройством. Он написал картину. Он был учеником русской дамы, которая посмотрела, не смогла ничего разобрать в этой картине и сказала: «Пойдите к отцу Антонию — он такой же сумасшедший, как и вы, и, может быть, сможет объяснить ее вам». Когда он принес мне эту картину, я сначала ничего не увидел: там были темные волны синего и зеленого цвета на заднем плане, а в одном углу — чудный, пронзительный синий проблеск. Я попросил оставить мне картину и три дня держал ее перед собой все то время, что не спал. И вдруг я увидел, что волны соединяются в образ сатаны, который нависает над этим проблеском света. Это был опыт

¹ Пер. с англ. Выступление на конференции Общества византистики и патристики, декабрь 1994 г.

² «Краса — где правда, правда — где краса!» —

Вот знанье все и все, что надо знать.

«Ода греческой вазе». Пер. И. А. Лихачева. Китс Дж. Стихотворения. Л.: Наука, 1986. С. 107–108.

жизни, то, что художник ощущал в себе и в жизни вокруг. Когда я высказал ему это объяснение как предположение, как гипотезу, он посмотрел на меня и сказал: «Это так! Я чувствую над собой нависающее зло, готовое растерзать меня». Так, когда наши два сумасшествия встретились, для этого человека началось познание самого себя, которое впоследствии, под руководством психиатра, помогло ему найти внутреннее равновесие.

С другой стороны, чтобы воспринять красоту, мы должны быть и увлечены ею, и отрешены от нее: увлечены так, чтобы быть совершенно открытыми к любому воздействию, которое можем получить, беспристрастны настолько, чтобы быть готовыми воспринять что угодно, отрешиться от себя, чтобы воспринять все. Я вспоминаю некоторые примеры; мне кажется, что примеры порой убеждают лучше, чем мои собственные слова. Есть место в предисловии профессора Вышеславцева к книжке, которую вы все хорошо знаете, «Рассказы Странника»³, где он говорит, что различие между странником, который смотрит на природу, и крестьянином, глядящим на то же поле, в том, что крестьянин смотрит на поле и тут же оценивает его возможную, потенциальную плодородность, труд, который нужно вложить, урожай, который можно получить. Все это не дает ему увидеть поле как таковое. Странник смотрит на поле: он никак не связан с ним, он не собирается что-то делать с полем, он смотрит на поле с совершенной открытостью взора, ума, сердца и видит в нем гармонию и красоту. Он может видеть все возможности этого поля, но они не сводятся к тому, что можно извлечь из него. Это один пример.

Другой пример такой: глядя на вещи, мы можем смотреть и видеть их или смотреть и сопоставлять их с нашими потребностями, совсем как странник и крестьянин. Несколько лет тому назад меня посетил один американский эколог. Он ездил по миру, задавая всем подряд два вопроса, отвечать нужно было тут же, не раздумывая: «Что такое молчание?» и «Что такое дерево?». В тот момент про дерево у меня был ответ, потому что я только что вернулся из Америки, где меня поразило, как стремительно прорастают трава и деревья на плодородной земле, — для меня они были выражением самой жизни, той жизненной силы, которой обладает земля, что я и высказал экологу. Потом я решил провести эксперимент. Я спросил молодого богослова, рассчитывая на глубокий и осмысленный ответ. Ответ был: «Дерево? Строительный материал!» Меня это просто сразило. Потом я спросил молодую девушку, нашу прихожанку, не слишком образованную, самую обыкновенную, и она сказала: «Дерево? Это сама красота! Посмотрите, как оно стремится вверх, к небесам, послушайте, как шумит ветер в его ветвях и листве. Для меня дерево — это красота!»

Это указывает на то, что, если мы сводим вещи к меньшему масштабу или к самим себе, мы уже не в состоянии увидеть их такими, какие они есть. Я часто даю детям пример, над которым стоит подумать: вы идете в зоопарк, останавливаетесь перед клеткой и говорите: «Какой красивый зверь! Посмотрите на цвет! Посмотрите на его силу, на лапы. Посмотрите как он движется!» Почему вы так говорите? Потому что между тигром и вами — решетка! Если случайно дверца клетки останется открытой, то в мгновение ока вы окажетесь на верхушке фонарного столба и в этот момент не будете думать о красоте тигра, он для вас будет Тигр, Опасность. Мне рассказывали о надписи в туристическом автобусе: «Когда вы отправляетесь на сафари, не оставляйте окна открытыми, потому что для зверей вы — свежее мясо». Вот еще иная точка зрения.

Я рассказываю вам эти истории не потому, что они забавны, но потому, что считаю, что они имеют большое значение для нашей попытки открыть красоту, быть в состоянии увидеть ее, ощутить и, в конечном итоге, приобщиться ей.

И так происходит с нами во всех наших взаимосвязях и отношениях с окружающим миром. На мир мы глядим как на тигра в клетке или как на тигра на свободе. Что же касается людей, то если мы смотрим на них отрешенно, видим *их*, а не реагируем на то, что в них привлекает или пугает *нас*, то мы можем увидеть их красоту. Тогда мы прежде всего видим внешнюю форму, физический образ, затем, сквозь него, — мысль, чувство, красоту и в самой

---

³ «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу». Под ред. и с предисловием Б. П. Вышеславцева. Париж: YMCA-Press, 1938.

сердцевине можем верой воспринять — и тут действительно нужно совершить акт веры — запечатленный в человеке образ Бога: он есть, пусть и поврежденный, он неизгладим, потому что Бог запечатлел в каждом из нас Свой образ, и эту печать невозможно уничтожить.

И тогда мы подходим к каждому человеку с благоговением, и нас не останавливают ни опасность, которую люди могут представлять для нас, ни отвращение, которое они вызывают в нас, ни безразличие, которое мы испытываем по отношению к ним. Мы смотрим на них и видим: видим глазами веры, а не физическим зрением. И в этом тоже часть тайны красоты и истины одновременно.

Итак, чтобы увидеть красоту, необходимы тишина и покой. Вам может это показаться странным, но я, помню, читал книгу математика Харди, которая называлась «Красота математики»⁴, где автор настаивает на том, что математика раскрывает нам покой и глубину. Я не могу распространяться на эту тему, я не математик, но об этом стоит подумать.

С другой стороны, как я уже сказал, мы должны уметь за видимым увидеть невидимое. Есть персидская история о поэте по имени Меджнун, который написал множество стихов о несравнимой красоте своей жены Лейлы⁵. И эти стихи были так прекрасны и убедительны, что шах призвал Меджнуна и сказал: «Я хочу увидеть твою жену! Я — шах, и я вправе повелеть ей снять паранджу!» Жена Меджнуна пришла и сняла паранджу, и шах в ужасе содрогнулся, потому что у нее был нос верблюда, уши слона и так далее. И шах сказал: «Меджнун, как ты можешь говорить о красоте этой женщины? Лейла отвратительна!» И Меджнун ответил: «Чтобы увидеть красоту Лейлы, нужно иметь глаза Меджнуна». Каждый из нас должен смотреть глазами Меджнуна на других людей, на окружающий нас мир в его *уродстве*; потому что мир по своей природе, сам по себе, не уродлив — он искажен в результате человеческого греха. Мы были призваны вести этот мир от состояния невинности и чистоты в состояние приобщенности к Богу, сообщить миру то измерение, которое, как нам сказано, он должен обрести, превратившись в ризу Божества, когда *Бог будет все во всем* (1 Кор 15:28).

Опять же, мы должны уметь увидеть это. Но это передается не только через людей и через то, что мы видим вокруг себя, это передается и через искусство. И здесь мы встречаем другую проблему: потому что искусство — это видение *одного* человека, выраженное при помощи слов, или звуков, или красок и линий, человека, у которого есть видение и который его выражает, а мы порой не в состоянии понять, что он говорит нам. Я вспоминаю место из дневников Александра Блока; его спросили, как бы он истолковал свое стихотворение, и он ответил: «Никак. Когда писал, я знал, о чем говорю, теперь — не помню». Стихи остаются прекрасными невзирая на то, что мы не находим корня, из которого они возникли. Я помню, как Ланской, художник-абстракционист, говорил мне: «Художник-абстракционист видит реальность и передает ее на холсте, но цельную картину видят только он и те немногие, кто умеют видеть». По этой же линии вот не очень любезный ответ французского поэта Стефана Малларме на вопрос, о чем его стихи и почему он пишет так непонятно: «Мне жаль, что вы их не понимаете, я пишу только для умных!»

Вот что стоит за красотой; мысль о прозрении сквозь видимое, внешнее можно найти у многих писателей. Я приведу цитату из Жерара де Нерваля: «Расколи камень — и ты увидишь жизнь внутри него». Или вот Соловьев:

Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий —
Только отклик искаженный
Торжествующих созвучий?⁶

Все это говорит о том, что, для того чтобы увидеть красоту, мы должны *приобщиться* ей, здесь — мистическое измерение, *мистическое* в настоящем значении этого слова, а не в том, как мы обычно употребляем его легковесно. Оно происходит от корня мхЭщ, который значит

---

⁴ Hardy G. H. «A Mathematician's Apology». Cambridge University Press, 1940.

⁵ Сюжет о любви юноши-поэта Меджнуна встречается в арабском и персидском фольклоре, а также в литературе Ближнего и Среднего Востока. См., напр.: Низами Г. Лейли и Меджнун. М., 1957.

⁶ См. прим. на с. 205.

онеметь, потому что никаким словом не выразить то, что я чувствую, что я постигаю не только разумом, но всем своим существом, — вспомните, что я говорил о пустой странице в дневнике Виктора Гюго.

И когда Достоевский говорит, что узнать красоту значит войти в мистическое соединение с объектом, в котором мы ее увидели, и за пределами предмета — с Творцом, мы дошли до предела: Бог — вот Источник всякой красоты.

Я остановлюсь на минуту на одном примере, а затем обращусь к области, которой мне страшно касаться в вашем присутствии, потому что вы скажете мне, что я не богослов, — это я знаю сам, но мне не хотелось бы, чтобы вы сказали, что я еретик и меня следовало бы сжечь, но что, к сожалению, это запрещено в этой стране.

Я хотел бы дать пример из чуждой мне области. Я совершенно не воспринимаю музыку; увы, она только мешает мне и в храме, и где бы то ни было. Я связан с русской музыкой через мою мать, которая была сестрой композитора Скрябина, я достаточно знаю о его восприятии вещей и читал то, что он писал на эту тему. Музыка раскрывается перед нами очень постепенно: мы берем лист бумаги, на которой она записана, партитуру, мы можем посмотреть и увидеть всего лишь начертания каких-то знаков. Если вы музыкант, вы можете представить себе мелодию, но вероятно, не такой, какой ее задумал композитор. Если запись содержит все необходимые указания, ее можно сыграть, и тогда мы воспримем ее не только глазами, не только интеллектом, но и всем своим существом: нервной системой, сердцем, чувствами — всем, что в нас способно отозваться на нее. Если мы одарены еще больше, то за звуками мы услышим, воспримем то, что композитор хотел передать через эту музыку, рассказать при помощи собранных в произведение звуков. И если наше восприятие еще глубже, то, соединяясь с этим авторским переживанием музыки и красоты, мы можем войти в ту область, откуда он сам воспринял это вдохновение, — в его собственные глубины.

Таким образом, красота становится не объектом эстетического изучения, но опытом, который принадлежит каждому из нас и всем вместе, это одно из немногих понятий, которое полно смысла для любого человека. Однажды меня пригласили прочитать серию лекций в составе программы, посвященной творчеству Элиота⁷, и я выбрал тему красоты, как единственно доступную для меня в сфере его интересов. И я помню, как понятие красоты, причастность к ней, ее понимание соединило всех нас. Слово «красота» в отличие от многих других слов для всех нас исполнено смысла.

Когда меня пригласили прочитать эти лекции, я решил, что беспокоиться не о чем; я взял *Encyclopaedia Britannica* с мыслью: здесь я найду все! Я открыл ее на слове «красота», и по сути там было сказано: «Красота — чисто субъективная категория; о ней писать нечего. См. *эстетика*». Но в каком-то смысле красота и эстетика не имеют ничего общего. Эстетика в лучшем случае имеет дело с выражениями, но никак не с сущностью красоты. И теперь, возвращаясь к первой цитате, которую я привел: «Красота — это истина, истина — есть красота», я хочу сказать о том, какова связь между красотой, материей и Богом.

Для начала я хочу сказать нечто о сотворении мира, но и здесь не ограничусь православным богословским представлением, а скажу, как я сам вижу вещи. Автор, творец всегда накладывает собственный отпечаток на свое творение — это общее место. Что касается Бога, Он не накладывает видимую, осязаемую, материальную печать, но все Им сотворенное содержит частицу Его мысли, того, что Он Сам есть. Я помню одно место из сочинений отца Сергия Булгакова, где, говоря о творении, он пишет: «Когда Бог творит, Он переливает Себя в то, чего нет, в небытие, и в тот миг, когда Он вливается в небытие, из небытия возникает бытие»⁸. Такая картина может нас удовлетворить или нет, в этом отношении я не являюсь последователем отца Сергия Булгакова. Но я хотел сказать вот что: когда Бог творит, Он творит нечто *ad extra*⁹, но творение несет Его печать. Сотворенное не может быть разлучено от Него иначе как человеческим грехом, который отрывает от Бога то, что неразрывно связано с Ним.

---

⁷ Eliot Lectures, Kent University, 1982.

⁸ Булгаков С. Н. «Свет невечерний». М.: Республика, 1994. С. 163.

⁹ Лат., здесь «вовне».

Я помню, суфийский мистик говорил мне, что звук, даже неслышный для слуха, создает формы. Не так ли мы можем думать о творческом слове Божиим? Бог произносит слово, говорит: *Гряди!* — и это слово, этот звук становится светом, и свет становится цветом, цвет становится формой, форма вырастает в тварный мир. Я даю вам эти образы как то, над чем стоит подумать, потому что даже неверное утверждение может натолкнуть на более совершенные мысли, в более верном направлении, которое не предполагается самим утверждением.

Посмотрим еще на *хаос*, который родился из творческого слова Божия. Когда мы думаем о хаосе, мы всегда думаем, что нечто стройное было разрушено, мы думаем о хаосе как результате бомбардировки, как следствии урагана. Но есть другое содержание в хаосе. Первичный, изначальный Хаос не есть разрушение чего-то, что было прежде, первичный Хаос — это совокупность всех возможностей, которые Бог вложил в тварный мир. И эти возможности оживут, станут реальностью, потому что мы *знаем* из Библии, что над этим хаосом парил, веял Дух Святой. И из этого хаоса, в котором содержатся все *возможности*, еще цельные, неповрежденные, Дух Святой вызывает раз за разом красоту Космоса — Космоса, который означает *лад, красота*. Опять-таки, когда читаешь Библию, меня каждый раз поражает рассказ о шести днях творения (Быт 1). Мы видим эти шесть дней в развитии. Но каждый день начинается с вечера и становится днем. Потому что каждый день по отношению к предшествующему дню — только начало, только подготовка, это еще не полнота. И мы видим, как из этого хаоса, над которым парит Дух Святой, из которого Дух вызывает *все* таящиеся в нем возможности, одна за другой возникают эти возможности и становятся реальностью, возникают одна за другой, одна из другой.

Здесь, может быть, стоит упомянуть, что Бог творит все, «создает» вещи не как ремесленник, который делает их и пускает в существование. Бог создает все *свободным* в становлении. И — я не собираюсь пускаться в речь о свободе, но есть этимология русского слова «свобода», которая производит это слово от «быть самим собой». Вот что Бог дает нам в качестве свободы: не безграничное самоволие, не независимость от нашей собственной природы, от нашего призвания или от Него, это приглашение стать тем, *чем мы призваны быть*, чем Он *возмечтал* нас, чем Он призвал нас быть и становиться.

И еще одно глубоко поражает меня. Человек появляется не как последний член прогрессии, это не самая лучшая обезьяна, которая еще развилась и благодаря легкому содействию, поддержке со стороны Бога составила следующий шаг эволюции и стала человеком. Чтобы создать человека, Бог берет основной материал тварного мира — землю, прах — который присущ всему, что сотворено, всему существующему. И человек, потому что он создан из праха земного, сродни всему тварному, он в единстве со всем. Глядя на него, все тварное может узнать себя уже на пути к большему совершенству. Мне кажется, это потрясающе, это чрезвычайно важное понятие, потому что, когда Бог через Воплощение становится человеком, Он становится человеком в этом основном смысле, Он становится причастным тварному праху, и это Его сродняет не только с человечеством, которое Он пришел спасти, потому что человечество пало, но Он сродни всему миру, начиная с мейшего атома и вплоть до величайшей галактики. Все может посмотреть на Него, на материальность Его тела, исполненного Божеством, в котором живет Божество, и увидеть себя таким, каким оно призвано быть: себя во славе, себя уже таким, каким станет, когда *Бог будет все во всем* (1 Кор 15:28).

И такое видение, мне кажется, чрезвычайно важно для нас, и не только — не столько! — в терминах экологии, но в плане нашей связи со всей вселенной. Святой Максим Исповедник говорил, что человек был создан с призванием стать единым с Богом и вести всю тварь от материального в духовное, иначе говоря, к приобщенности (а это означает — общность жизни, единство) с Богом и Творцом. И мы это не исполнили, мы совратили мир с предначертанного ему пути.

Но если это так, тогда красота, как я старался передать вам, неразрывно связана с истиной, которая, в свою очередь, есть неистребимая реальность Бога и того, в чем действует Бог. Святой Ириней Лионский говорит, что слава Божия — это до конца совершенный человек.

Мы не достигли своего совершенного исполнения, и в результате окружающий нас мир стал изуродован, он искажен, но и мы, и тварный мир призваны войти в тайну Христову. И это становится возможным благодаря красоте, которая есть Сам Бог, которая позволяет нам созерцать Его в тайне сотворенного Им мира, созерцать Его в каждом человеке вокруг нас, созерцать Его даже в себе самих, пусть еще только как слабо брезжущий свет; вот что красота и истина совершают в тварном мире, через него. Потому что все передается нам через материальность: мы слышим слова, мы видим вещи, мы приобщаемся тому, что нам явлено, и далее, за пределом очевидного — приобщаемся Тому, Кто есть Творец всего.